

**МОТИВЫ "ЛЕГЕНДЫ О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ"
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В РОМАНЕ А.Н. ВАРЛАМОВА
"ЗАТОНУВШИЙ КОВЧЕГ"**

О.С.Сухих

Нижегородский госуниверситет

В журн.: Вестник ННГУ. Серия «Филология». Вып. 1 (6). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. С. 19-25.

Роман А.Варламова посвящен теме современного религиозного сектантства, но в самом тексте дается расширительное толкование этого понятия: "Подлинная же беда России – ее сектантство <...> Секта декабристов и народников, хлыстов и духоборов, большевиков и диссидентов, секта "новых русских" и Божественного Искупителя – как по заколдованному кругу мчимся... Есть что-то завораживающее в этих учениях, и вовлекаются в него самые чистые души, а над ними стоят проходимцы и чужой чистотой пользуются"¹. Автор видит во множестве сект, философских и политических учений, общественных движений некую инвариантную основу. Её основные элементы: стремление переделать мир рациональным путем, желание насильственно осчастливить людей и оправдание любых средств ради осуществления цели. В литературе такая инвариантная модель давно уже существует – это "Легенда о великом инквизиторе" Ф.М.Достоевского.

Различные аспекты "инквизиторского" комплекса идей отчетливо проявляются во взглядах многих героев "Затонувшего ковчега". Один из них – историк Кудинов (старец Вассиан). Вассиан появляется в Бухаре (старообрядческом поселке, превратившемся в замкнутую общину) неожиданно, для обитателей скита он человек из другого мира, но он очень много знает об истории Бухары, поражает всех своим "усердием в вере и верностью обычаям старины", скоро приобретает величайший авторитет, а после смерти старого лидера общины, при котором «строгость веры» ослабела, становится ее "наставником" и ведет себя "весьма решительно, вернув в Бухару те давнопрошедшие времена, когда малейшее отступление от веры строго каралось, и всякое сношение с внешним миром пресек". Ведь свобода людей, живущих вне скита, – это пьянство и разврат. Вассиан строго оберегает свою паству от такой свободы, точно так же, как великий инквизитор у Достоевского охранял свою, ибо считал, что Христос совершил ошибку, даровав

людям свободу выбора. А люди, по его мнению, в массе своей "слабосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики", и свобода приведет их к торжеству низменных, разрушительных инстинктов. Великий инквизитор поработает людей, считая лишение их свободы воли единственным путем к спасению и счастью, так как иначе они неизбежно истребят друг друга. Именно это происходит в романе Варламова за пределами Бухáры, начиная с убийства Евстолии, которую почитали в Бухáре как святую, и кончая полной безнравственностью "свободного" "рыночного" общества, где жизнь человека ничего не стоит. Рядом с Бухáрой, в поселке Сорок втором, обитатели которого живут практически почти без вмешательства какой-либо власти, царят пьянство и хаос. В Петербурге в наступившие демократические времена на каждом шагу разврат и преступление. Неудивительно, что от такой свободы люди рано или поздно устают. Великий инквизитор говорил, что они в конце концов принесут свою свободу к ногам властителей. Так и происходит в романе Варламова, где герои, измученные бременем свободы, уже видят счастье в том, чтобы избавиться от нее. Скульптор Колдаев, страдающий от невозможности воплотить свою мечту, ищет успокоения в секте Люппо: "...он был счастлив тем, что вверил себя в чужие руки. В ту ночь он первый раз уснул легко и спал безмятежно без всяких снов". Даже просветитель и подвижник Илья Петрович в определенный момент теряет веру в науку, в людей и чувствует непреодолимую потребность "освободиться" от свободы. Ни коммунисты, ни демократы не спасли людей от зла, и Илье Петровичу, бывшему борцу с "религиозным дурманом", теперь кажется верным путь старца Вассиана: в Бухáре нет убийств, воровства, пьянства, разврата, социального расслоения. Правда, там нет свободы – поселок даже похож на лагерь. "А только кому она нужна, свобода эта – свобода пить или не пить, убивать или не убивать?"

Читателю старец поначалу кажется религиозным фанатиком. Однако уже в эпизоде первой встречи Вассиана и Ильи Петровича есть примечательная деталь, не соответствующая такому представлению: "глаза старца поразили директора каким-то нездешним, невиданным одиночеством". Затем, уже в конце романа, эта деталь раскрывается совершенно неожиданно: "Ковчег Бухáра плыл по житейскому морю..., но никто на борту не знал, что грозный, не ведавший снисхождения, жалости и сомнения кормчий в действительности невыносимо страдал и, помимо одной – благочестивой, безупречно строгой жизни, жил иной, тщательно ото всех скрываемой". Одиночество, страдания, двойная жизнь – все это объясня-

ется одним: наставник религиозной общины Вассиан не верит в Бога. В этом заключается еще одна важная черта, объединяющая варламовского героя с героем "Легенды" Достоевского. Великий инквизитор убежден, что за гробом люди "обрящут лишь смерть». В нем нет веры ни в бога, ни в бессмертие, но тем не менее он использует именно религиозную веру людей, чтобы направлять их по пути, который представляется ему единственно верным.

Вассиан, ученый и атеист, использует религию сначала для того, чтобы проникнуть в Бухáру, изучить ее жизнь изнутри и написать научную работу. Но потом у него появляется и другая мысль, сходная с идеей великого инквизитора. Когда Илья Петрович отказывается от служения науке и демократии и обращается к религии, то он угадывает цель старца: уберечь от зла и спасти людские души. Делает он это вполне "инквизиторскими" методами: принимает на себя "власть над всем муравейником" и осуществляет ее не только силой убеждения, но и с помощью насилия и лжи. Великий инквизитор сжигал еретиков на кострах – Вассиан сажает их в яму или оставляет в лесу привязанными к деревьям. Великий инквизитор правит именем Бога, в которого сам не верит, – Вассиан делает то же самое. Великий инквизитор считает, что Христос ошибся, отказавшись подчинить себе души людей при помощи чуда, – Вассиан тоже полагает, что чудо необходимо для укрепления его власти над людьми. Он соглашается на предложение "подделать чудо": выдать останки безвестного узника Гулага за мощи Евстолии, почитаемой бухарянами за святую. "Искуситель" Люппо предлагает пойти на обман, чтобы укрепить в людях веру и сохранить общину, и Вассиан соглашается с его аргументами: «И дерзнете совершить подлог?» – спросил старец, помолчав. «Почему нет? Вас смущает нравственная сторона этой истории? Но чем ваше лжестарчество лучше?»

Великий инквизитор говорил, что в обмане заключается его страдание. И Вассиан у Варламова чувствует душевный дискомфорт уже в начале своего пути самозванца, когда выдает себя за старообрядца. Решение устроить «лжечудо» тоже дается ему нелегко: он ощущает тревогу и даже страх, ему явно не по себе. В конце романа, когда Вассиану приходится решать судьбу Бухáры, ему невыносимо тяжело, ему даже кажется, что было бы легче, если бы люди узнали о его обмане и казнили его как лжепророка. Но старец понимает, что это не принесло бы им ни облегчения, ни спасения, ни какой бы то ни было пользы, поэтому он до конца, до гибели в огне, проходит свой путь самозванца-наставника. Есть и еще

одна причина "инквизиторских" страданий: герой "Легенды" у Достоевского берет на себя бремя свободы, "бремя познания добра и зла", а людям дает "младенчески наивное счастье", обусловленное их верой в будущее вечное блаженство; сам же он этой веры лишен, а значит, лишен и счастья. В подобной же ситуации показан и герой Варламова: он помогает людям "держаться" за свою веру и быть уверенными в спасительности своего пути, а сам живет без веры: "И причина одиночества и страданий была в одном: старец не верил в древнего византийского Бога с усеченным именем Иисус, которому отдал свою уже близившуюся к завершению жизнь. Это болело в нем рваной раной и обесмысливало все им содеянное". Вот здесь есть отличие: у Достоевского великий инквизитор, несмотря на свой атеизм, вовсе не чувствует никакой бессмысленности "им содеянного", наоборот, уверен в оправданности своих действий: их смысл он видит в том, чтобы жили и умирали счастливыми не только сильные, способные подвижнически следовать по пути Христа, но и слабые, которых большинство. Тут тоже есть некоторое расхождение между героями Достоевского и Варламова: Вассиан не стремится распространить "благодать" на все человечество, а хочет отстоять лишь свою Бухáру с ее обитателями.

Диалектика свободы и рабства является одним из самых существенных моментов, концептуально связывающих "Затонувший ковчег" с "Легендой о великом инквизиторе". Великий инквизитор видит в людях бунтовщиков, но бунтовщиков слабых: свобода для них и притягательна, и невыносима, поэтому они "не выдерживают" собственного бунта и склоняются перед сильной властью. Фактически их свободный выбор состоит в том, чтобы принести свою свободу к ногам властителей, дающим им гарантию сытой и спокойной жизни.

Староверы, образовавшие когда-то скит Бухáру, тоже начали с вполне свободного выбора, совершив побег со строительства Петербурга. Однако история скита, начавшаяся с осуществления воли к свободе, в дальнейшем обернулась полным отказом от свободы выбора: жизнь общины строится на абсолютном подчинении лидеру: ради чистоты своей веры люди жертвуют свободой. В символическом сне Ильи Петровича он приводит в Бухáру детей, которых хочет спасти от несправедливого и злого мира, а потом видит их в арестантских робах и за колючей проволокой.

Последний выбор всей общины во главе с Вассианом – самосожжение, признанное самым действенным способом "эвакуации" из этого мира. И это пер-

вое и последнее свободное решение, которое старец позволил принять своей пастве, хотя в душе он был против этого. Вассиан понял, что для этих людей самоубийство – единственный путь к освобождению от враждебного им мира, несущего неизбежную гибель общине.

На месте сожженной Бухáры обосновываются новые сектанты из Церкви Последнего Завета. Чтобы эти слабые и никчемные люди могли выжить, Илья Петровичу приходится стать властителем чужих судеб. У этих сектантов нет какого-либо стремления к свободе, они просто стадо, которым кто-то должен управлять. Это те самые слабые люди, которые, как считал великий инквизитор, слабосильны, порочны и бунтовщики, хотя и ничтожные. В "Затонувшем ковчеге" сектанты тоже бунтуют против своего властителя и губят Илью Петровича.

Каков же авторский взгляд на проблему свободы? Достоевский выразил свою позицию в "Братьях Карамазовых" словами Алеши, который говорит автору поэмы о великом инквизиторе Ивану, что у него получилась "не хула, а хвала Иисусу", даровавшему людям свободу выбора. А.Варламов, очевидно, тоже остается сторонником свободы выбора, свободы личности, хотя и видит множество извращенных ее проявлений. Илья Петрович, которого можно считать героем, наиболее близким автору по нравственной позиции, пройдя через многие искушения и страдания, возвращается к своему первоначальному призванию и учит детей быть нравственными и свободными. А Бухáра, царство несвободы и насильственного счастья, в конце романа просто исчезает с лица земли. Вроде бы авторская точка зрения этим финалом выражена вполне отчетливо, но все же в конце книги появляется "проговорка", которая снова вызывает все тот же вопрос о диалектике рабства и свободы. Дети, которых воспитал Илья Петрович и с которыми связана надежда на будущее, уходят в мир, и они "должны победить этот мир и спасти его". Если общество можно спасти, лишь победив его, подчинив себе, то не означает ли это возвращение к "инквизиторскому" пути, когда свободны в выборе только властители, а остальные "спасены" ими и счастливы в рабстве?

В романе "Затонувший ковчег" есть несколько героев, претендующих на роль спасителей мира. Отчасти это Илья Петрович, а также Вассиан, желающий спасти свое маленькое «общество» – Бухáру. Однако есть еще два человека, которые предлагают свои рецепты спасения и которых можно считать своеобразными двойниками Вассиана. Первый из них – это келарь, преданный старой вере и готовый на все, чтобы сохранить чистоту Бухáры, в том числе и на обман, который

он понимает как ложь во спасение. Келарь знает, что Вассиан – самозванец, но скрывает это, т.к. полагает, что Вассиан – единственный, кто своей волей и твердостью поможет сохранить общину. Когда старец и Люппо собираются совершить подлог и закопать "останки Евстолии" на месте, где чудом не погибла от молнии девочка Маша Цыганова, то они видят, что их кто-то опередил и мощи Евстолии там уже закопаны. Подлог совершил именно келарь, который, подобно великому инквизитору у Достоевского, понимал, что обычным, слабым людям нужно чудо для укрепления веры. При этом келарь сам искренне верит, что исполняет Божью волю. В конце романа он убеждает Вассиана сжечь Бухáру и тем самым спасти чистые души ее обитателей от греха и соблазна. Цель оправдывает средства – такой принцип, принятый когда-то великим инквизитором, принимают теперь и Вассиан, и келарь. Второй же двойник Вассиана – глава Церкви Последнего Завета Люппо. Причем если келарь – двойник, близкий к Вассиану по духу, по своим целям, то Люппо – это уже отражение старца в безобразном кривом зеркале: он человек абсолютно безнравственный, некое подобие искусителя, злого духа, появляющегося у Достоевского в кошмарах Ивана Карамазова. Люппо много и красноречиво говорит о спасении мира, тонущего в разврате, о создании нового, чистого от развратных помыслов человека и о том, что ради этого оправданы ложь и насилие. Однако его истинные чувства и намерения далеки от блага; их разгадывает и объясняет в романе некая "личность в штатском": "Пять лет тому назад человек, называющий себя Божественным Искупителем, изнасиловал тринадцатилетнюю девочку. Его застали на месте преступления и кастрировали. С тех пор он выдает себя за наследника скопцов и самолично оскотливляет членов секты... чем прочнее он может связать людей, как не объединив их общим уродством?"

Об авторском отношении к героям говорят финалы их судеб. Илья Петрович растит и учит детей, выводит их в мир, а сам умирает, попав в тот же капкан, что и погибшая когда-то Евстолия, почитаемая в Бухáре за святую. Эта деталь вряд ли случайна: и Илья Петрович, и Евстолия стали жертвами зла, жертвами "малосильных, порочных" бунтовщиков, однако оба успели-таки принести в мир добро. Вассиан, келарь и Люппо погибают в огне вместе со всеми обитателями Бухáры: «...если бы кто-нибудь смотрел в этот час на небо, то наверняка увидел бы, как... вместе со снопом искр над пепелищем взметнулось ввысь сорок душ. Одна из них тотчас же канула вниз, остальные стали медленно подниматься к не-

бу, и ангелы с помятыми и обожженными крыльями торопливо уносили их с собою». Черную душу Люппо Небо отвергает, но оно принимает души Вассиана и келаря. Эти люди совершили грехи, но Бог прощает келаря за его веру и стремление к чистоте, а Вассиана – за бескорыстие и добрые цели, а также за его страдания. Здесь есть переключка с финалом "Легенды о великом инквизиторе", где Христос целует инквизитора, несмотря на его отступление от христианства.

Инквизиторская идея "насильственного счастья" многолика, вариативна, хотя в любом своем воплощении сохраняет некую инвариантную основу. Алеша Карамазов связывает ее с католицизмом, с масонством; Достоевский связывал ее еще и с социализмом. Точно так же "многолика" эта идея и в романе Варламова. Люппо, например, говорит, что позаимствовал свой "проект" нового "счастья в рабстве" у академика Рогова, в прошлом демократа и либерала по убеждениям, пришедшего во времена наступившей демократии к выводу о губительности неограниченной свободы. "Оказалось, что политическая свобода еще не все или даже совсем не то, что требовалось, потому что, кроме порабощения общественно-позволяющего, однако, сохранить свое "я", пускай даже ценой отказа от карьеры, существовало еще более тонкое и лукавое порабощение. Странно, но люди в массе своей не казались ему более свободными – он чувствовал в них вирус стадности. Они стали необыкновенно внушаемы, и любой подонок, сумеет он на этой внушаемости сыграть, мог бы добиться того, что никаким большевикам и не снилось"². Академик в конце своей жизни понимает, что "опасность не в коммунистах недобитых кроется", что "коммунисты, – это лишь частный случай соблазна, принимающего самые различные формы". Сам "соблазн" и его неизбежные последствия нашли свое инвариантное воплощение в той "модели" мироустройства, которую воссоздал Достоевский в "Легенде..." Одной из форм такого "соблазна" стало тоталитарное государство с коммунистической "религией", другой – старообрядческая община Вассиана, управляющего своим таежным "государством в государстве", о каком мечтала когда-то его литературная предшественница Марина Зотова, "хлыстовская Богородица" из романа М.Горького "Жизнь Клима Самгина", третьей – изуверская скопческая "Церковь Последнего Завета" Люппо.

Таким образом, "Затонувший ковчег" А.Варламова продолжает художественно-философскую традицию, нашедшую выражение в творчестве Достоевского, а затем М.Горького и других художников. В "Легенде" Достоевского с такой концентрирующей силой обобщения воссоздан комплекс элементов, составляющих в

совокупности идею великого инквизитора, с ее сложной диалектикой добра и зла, свободы и рабства, истины и сострадания, что и эта идея, и сам образ великого инквизитора стали своеобразным литературным "архетипом". Он актуализируется практически всякий раз, когда тот или иной художник пытается философски осмыслить жизнь социума (независимо от конкретной формы организующей его политической системы и идеологической парадигмы). Сознательно или бессознательно, но такой художник неизбежно выходит на "инквизиторский" комплекс социально-философских и этических идей. "Историческая наша живодерня скоро затягивает русских мальчиков в свои злые воронки и побуждает их подхватывать с запятой горячие монологи Ивана Карамазова или Родиона Раскольникова", – написал в предисловии к книге "Затонувший ковчег" критик В.Курбатов [Курбатов, 1]. Точно так же отпечатался в сознании (или подсознании) художников XX века и "проект" великого инквизитора из "Легенды", который с неизбежностью проецируется ими на многие основополагающие факты и повороты отечественной и мировой истории. Меняется материал (предреволюционная действительность у Горького, послереволюционная – в романах "Мы" Е.Замятина, "Мнимые величия" Н.Нарокова или "Пирамида" Л. Леонова, "коммунизм" и "западнизм" в "Зияющих высотах" и "Глобальном человечнике" А.Зиновьева, времена демократических реформ у Варламова³), но неизменными остаются инвариантная основа, внутренняя суть и основные элементы этого комплекса идей, и это доказывает, что идея великого инквизитора живуча, можно сказать, вечна, хотя любые попытки реализовать ее в жизни неизменно заканчивались трагически. "Дух великого инквизитора, – писал Н.Бердяев, – может являться и действовать в разных обликах и формах, он в высшей степени способен к перевоплощению" [Бердяев, 266].

Литература и примечания

Бердяев Н. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. – М., 1991.

Варламов А. Послесловие к роману "Затонувший ковчег" // Октябрь. № 4. 1997.

Курбатов В.Я. Отражение небесной битвы // Варламов А. Затонувший ковчег. – М., 2002

¹ Текст романа цитируется по изданию: Варламов Алексей. Затонувший ковчег. – М., 2002.

² Эту мысль автор романа в послесловии к его журнальной публикации высказывает как свою собственную [Варламов, 1997, 243].

³ А.Варламов, судя по его "колонкам" в "Литературной газете", – отчетливый и последовательный антикоммунист, но в его романах постсоветская "демократическая" действительность оказывается едва ли не страшнее советской: насквозь безнравственная, грязная, преступная и порочная, она способна порождать все новые формы "инквизиторских" сект, религиозных, политических, интеллектуальных и проч., и она же оказывается куда губительнее для тех из них, которые пытаются сохранить веру и нравственную чистоту. В "Затонувшем ковчеге" Бухара, сохранившая свою независимость от окружающего мира и при царях, и при большевиках, гибнет при "демократах", и зловещее пророчество Люппо, которое он высказывает Вассиану, более чем реально: "Даже если вы уцелеете сегодня, завтра вас разыщут и купят на корню, как купец Лопяхин купил вишневый

сад. На этом месте построят кемпинг, откроют охоту и экскурсии по лагерям для иностранных туристов и русских толстосумов с непременно́м посещением экзотического скита. А заодно организуют бордель, куда рано или поздно сбегут все ваши девицы. Это вам не какой-нибудь несчастный леспромхоз. Против этого вы не устоите".
